

**ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ:
ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ**

С.А. ЛЕБЕДЕВ

Постнеклассическая эпистемология отличается от классической (XVII по XIX вв.), а также от неклассической (постпозитивизм) отказом считать противоречие между эмпирией и теорией главным, а тем более единственным фактором функционирования и динамики научного познания. Представители постнеклассической эпистемологии исходят из трактовки процесса научного познания как социального и гуманитарного в своей основе, считая влияние на научное познание различного рода социальных, исторических, культурных и личностных факторов столь же важным, сколь и эмпирической информации, получаемой учеными в ходе исследования тех или иных объектов.

Обратимся к двум основным направлениям (или парадигмам) постнеклассической эпистемологии: социально-культурному анализу динамики научного знания и гуманитарной парадигме функционирования научного познания. Рассмотрим основные варианты каждой из указанных выше парадигм.

Социально-культурный анализ динамики научного знания

• **Парадигмальная концепция развития научного знания.** Эта концепция сформулирована в знаменитой книге американского историка и философа науки Т. Куна «Структура научных революций» (1970)¹. На примере анализа коперниканской революции в астрономии Т. Кун развил новую концепцию динамики науки, получившую впоследствии название «парадигмальной концепции». В ней Т. Кун попытался соединить идеи прерывности и непрерывности в развитии научного знания, эволюционные и революционные периоды в развитии научных дисциплин, а также совместить признание существования внутренних законов функционирования и развития научного знания, внутренней логики науки с признанием внешней, социальной и культурной, обусловленности динамики науки. Основной несущей конструкцией модели науки Т. Куна явилось понятие «научная парадигма».

У Куна, а тем более его интерпретаторов, это понятие является весьма неоднозначным. Мы укажем на исходное и, на наш взгляд, главное содержание данного понятия у самого Куна. Согласно этому пониманию, научная парадигма – это общепринятая научным сообществом определенного исторического периода фундаментальная научная теория

в той или иной области науки или даже в науке в целом. Примерами парадигмальных научных теорий являются: геоцентрическая и гелиоцентрическая система мира в астрономии, аристотелевская физика и сменившая ее ньютоновская механика, ламаркизм и дарвиновская теория эволюции в биологии, квантовая механика, релятивистская космология и синергетика в современной физике, рефлекторная теория И.П. Павлова в физиологии, теория бессознательного З. Фрейда, социальная экология и др. Парадигмальная научная теория задает не только общепринятое видение определенной предметной области, но и образцы, а также стандартную методику решения множества конкретных научных проблем, относящихся к данной области. Кун называет эту деятельность, вполне творческую по существу, «решением головоломок». Эта деятельность является господствующей в так называемый нормальный период развития науки в целом или одной из ее областей, когда динамика, прирост научного знания определяются сугубо внутренними ресурсами самой науки. Однако, как показывает реальная история науки, рано или поздно любая фундаментальная теория исчерпывает свои когнитивные возможности. Это имеет место, в частности, тогда, когда открываются новые факты, которые с трудом поддаются описанию и объяснению в рамках существующей теории, а тем более если эти новые факты логически противоречат ей. Тогда в развитии научной дисциплины наступает «экстраординарный» период, или период «научной революции». Это — время не только «смуты» и неопределенности в развитии науки, но и глубокой востребованности новых теоретиков, способных выдвинуть и разработать новое видение предметной области науки. Новая теория должна привести к разрешению непреодолимых для старой теории трудностей столь же естественным и эффективным образом, как это делала сама старая парадигма по отношению к релевантным для нее фактам.

Как правило, первоначально борьба между сторонниками новой научной парадигмы и большинством научного сообщества, которое по-прежнему продолжает разделять идеи старой парадигмы, является весьма жесткой, бескомпромиссной и часто нелицеприятной. В полемике между ними используются ресурсы самого разного рода из социокультурной инфраструктуры науки (общие философские идеи, научные авторитеты, властный ресурс научной элиты, идеологическая аргументация, самоутверждение нового поколения научной молодежи, деятельность средств массовой информации, научная пропаганда и т.д.). Конечно, при этом главные цели науки — точное описание и эффективное объяснение всех имеющихся фактов, а также предсказание новых, остаются приоритетными для всех участников и экстраординарного этапа развития науки. Во всяком случае, на словах. Интегрируя все перечисленные выше социальные факторы, влияющие на исход научной борьбы во время научных революций, Т. Кун относит их по ведомству социальной психологии науки. Отказ научного сообщества (по крайней

мере, его наиболее влиятельной части) от старой парадигмы и принятие им в качестве таковой новой теории, во многом несовместимой со старой, Кун сравнивает с обращением ученых в «новую веру». Он трактует этот переход в терминах психологии восприятия, а именно, как гештальт-переключение.

Своей эпистемологической концепцией Т. Кун выступил против двух весьма влиятельных среди философов и ученых XX в. моделей динамики научного знания: 1) концепции перманентной научной революции К. Поппера с его идеями фальсификационизма и фаллибилизма и 2) традиционной концепции кумулятивного и прогрессивного роста научного знания, методологической основой которой являлся принцип соответствия между содержанием новой и старой теорий, сформулированный Н. Бором. Т. Кун подверг резкой критике обе эти модели и заявил тем самым о себе как о создателе новой парадигмы в философии науки.

Надо отметить, что сегодня идеи Куна по-прежнему пользуются широкой известностью и признанием среди многих как зарубежных, так и отечественных ученых и философов. Тем не менее, следует признать, что в эпистемологической концепции Т. Куна имеются два серьезных изъяна: 1) отрицание наличия какого-либо общего содержания у старой и новой парадигмы (и в силу этого их якобы принципиальной несоизмеримости между собой) и 2) истолкование Куном процесса принятия научным сообществом новой парадигмы не как результата достаточно сложного и длительного процесса научных переговоров, заканчивающегося выработкой научным сообществом консенсуса относительно новой теории, а просто как внезапного гештальт-переключения. Оба эти допущения Куна оказались слишком грубыми и прямолинейными, чтобы быть истинными.

Гораздо дальше Т. Куна в признании фундаментальной роли научного сообщества как подлинного субъекта научной истины, а также значения социальных механизмов в динамике научного знания пошли представители так называемой *когнитивной социологии науки*.

• **Когнитивная социология науки.** Это направление в эпистемологии возникло в 70-е годы XX в. Его представители считают, что адекватная модель функционирования и динамики науки должна учитывать существенное влияние на процесс научного познания не только объектных и социокультурных, но также и личностных факторов. Именно всем комплексом этих факторов определяется не только выбор научных проблем (и соответственно направлений исследований), не только темпы развития науки (например, за счет создания для этого развития благоприятных финансовых, материальных, организационных и психологических условий), но даже способ и результаты решения научных проблем. Представители когнитивной социологии науки (М. Малкей, С. Уолгар, К.Д. Кнорр-Цетина, Р. Уитли и др.) отвергают классические модели бес-субъектного или трансцендентально-субъектного характера процесса

научного познания. Они настаивают на существенном влиянии как на процесс конструирования научного знания, так и на способы решения научных проблем конкретных эмпирических субъектов научного познания (их творческого потенциала, мировоззрения, психологических особенностей, объема имеющихся и используемых ими знаний)². Они подчеркивают то принципиальное на их взгляд обстоятельство, что научное познание всегда совершается учеными в определенной социокультурной среде, имеющей вполне конкретное историческое измерение. Согласно представителям когнитивной социологии науки важную роль в формировании содержания научной теории, наряду с эмпирической информацией об объекте («эмпирический репертуар» научного исследования), играет также разделяемая учеными система их теоретических взглядов и предпочтений, а также общих философских принципов и ценностных мотиваций («социальный репертуар» исследования). Последний формируется либо в результате присоединения ученого к определенной научной традиции, школе, авторитету, либо благодаря личной актуализации накопленных обществом культурных ресурсов вплоть до творческого участия в их создании (Г. Галилей, Р. Декарт, И. Ньютон, Н. Бор, А. Пуанкаре, Д. Гильберт и др.).

Главными выводами когнитивной социологии науки являются положения: а) о принципиально коллективном характере субъекта научного познания и б) о решающем значении научного консенсуса при принятии фундаментальных решений в науке, в том числе и при решении вопроса об истинности или ложности научных концепций и теорий.

Несмотря на существенные различия между представителями классической и неклассической эпистемологии (неопозитивизм) в трактовке процесса научного познания, все они исходили из одного общего принципа, согласно которому основным противоречием в структуре и динамике научного знания является противоречие между эмпирическим знанием (данные наблюдения и эксперимента) и научными теориями. Однако является ли это противоречие главным, а тем более единственным фактором, определяющим структуру и динамику науки?

Анализ реальной науки и ее исторического развития позволяет с достаточной определенностью дать на этот вопрос отрицательный ответ. Этот анализ убедительно показывает, что противоречие между эмпирическим и теоретическим знанием не является ни единственным, ни универсальным фактором динамики научного знания. Например, очевидно, что данное противоречие не является главным фактором развития математики, хотя в области естественных, социальных и технических наук оно действительно имеет существенное значение. Во-вторых, анализ функционирования реальной науки показывает, что противоречие между эмпирией и теорией всегда включено в систему других факторов динамики научного знания, будучи опосредовано их влиянием (идеологией науки, ценностными и философскими основаниями науки, социокультур-

ным контекстом научного исследования и др.). Анализ существенной зависимости функционирования и развития науки и научного знания от этих условий и составил основу такого направления постнеклассической эпистемологии, как культурно-исторический анализ науки и ее динамики (В.С. Степин, М.К. Петров П.П. Гайденок, Л.М. Косарева, М. Фуко и др.)³

• **Культурно-историческая эпистемология.** Сторонники данного подхода делают акцент на изучении исторической динамики науки как органической части культуры в целом и ее отдельных типов (исторических и национальных культур). При построении теоретических моделей динамики науки здесь огромное значение придается опоре не только на эмпирический материал истории науки, но и на материал истории культуры. Отметим основные темы данного направления: 1) объяснение происхождения науки как особого способа познания человеком действительности и в этой связи анализ культурно-исторических предпосылок зарождения и становления науки; 2) выделение основных исторических этапов развития науки с момента ее зарождения до настоящего времени; 3) анализ особенностей основных культурно-исторических типов науки; 4) анализ факторов культуры, наиболее мощно влияющих на содержание и динамику науки; 5) анализ зависимости науки, ее содержания, динамики от особенностей национальных культур.

Общие итоги культурно-исторического подхода в исследовании науки могут быть резюмированы следующим образом: 1) возникновение, содержание, особенности и динамика науки зависят не только от типа изучаемых объектов, но и от того типа культуры, частью которого является данная наука (работы П.П. Гайденок, В.С. Степина, Л.М. Косаревой, Г.Д. Гачева и др.); 2) тем не менее, по мере развития науки неуклонно возрастает ее внутренняя информационная и методологическая мощь, а, следовательно, и роль ее внутренних факторов, детерминирующих содержание и динамику науки. При этом наука всегда остается имманентной частью наличной культуры и не может не испытывать на себе ее влияние в самых различных формах. Для обобщенной характеристики роли социальных факторов в развитии научного познания рядом исследователей (В.И. Купцов, С.В. Котина, С.А. Лебедев) была введена особая эпистемологическая категория, а именно — «социокультурный фон науки»⁴.

Одним из важных вариантов постнеклассической эпистемологии стал также так называемый кейс-стадис («case-studies»).

• **Кейс-стадис.** Это направление постнеклассической эпистемологии явилось своеобразным симбиозом микро-социологического и микро-социокультурного исследования науки. Его предмет и анализ распространяются от изучения всего комплекса причин, порождающих какую-либо конкретную новую единицу научного знания (факт, гипотезу, теорию, исследовательскую программу и т.п.), до анализа причин, приводящих ученых к принятию или отвержению определенных на-

учных концепций и даже направлений науки. Большое значение здесь придается изучению жизненного пути конкретных ученых как фактора их когнитивного выбора и поведения. В основном исследованиями типа «кейс-стадис» занимаются представители когнитивной социологии науки, культурологии науки и антропологии науки (К.Д. Кнорр-Цетина, С. Уолгар, А.П. Огурцов и др.)⁵. Исходной философской предпосылкой такого рода исследований является идея о том, что процесс научного познания детерминируется самыми разными факторами информационного, методологического, коммуникационного и личностно-психологического характера, что при принятии учеными конкретных когнитивных решений вес и комбинация этих факторов могут быть самыми различными. Это положение представители кейс-стадис подтверждают многочисленными примерами эмпирического исследования реальных частных познавательных ситуаций, особенно при выдвижении и оценке учеными радикальных научных инноваций. С их точки зрения, стремление найти в науке какие-то общие нормы и закономерности когнитивной (или социальной) деятельности ученых является не только малоэффективным, но даже вредным занятием, поскольку принижает значение личной ответственности ученого за принимаемые им решения. Несмотря на эмпирический характер, исследования в рамках кейс-стадис являются все же не историческим, а скорее социологическим изучением науки.

Еще одним заметным явлением в современной постнеклассической эпистемологии стал радикальный конструктивизм.

• **Радикальный конструктивизм.** Конструктивизм как особая философская концепция науки заявил о себе еще в начале XX в. при обсуждении проблемы природы математического знания, методов его построения и обоснования. Его идейной предтечей был математический интуитионизм Л. Брауэра и А. Гейтинга. Последние четко противопоставили свою концепцию философии математики, с одной стороны, эмпиристскому истолкованию природы математического знания, а, с другой, различным версиям априористского понимания ее сущности (от Декарта и Канта до Рассела включительно). Эмпиризм, как справедливо отмечали конструктивисты, явно не соответствует идеализированному характеру математической реальности и ее объектов. Математические объекты в принципе не могут быть получены путем обобщения эмпирического опыта, а в лучшем случае только путем его идеализации, а в основном — путем их свободного конструирования мышлением математиков. Априоризм же в объяснении сущности математического знания неприемлем в силу того, что он не способен объяснить реально существующий плюрализм в математике, когда в ней сосуществуют и признаются одинаково законными и истинными (в математическом смысле) альтернативные математические концепции и теории (эвклидовы и неевклидовы геометрии, коммутативные и некоммутативные алгебры, статистические, логические и субъективные теории вероятности и т.д.). Пройти между

Сциллой эмпиризма и Харибдой априоризма в истолковании природы математического знания, признать его внеэмпирический и в то же время внеаприорный характер можно только в том случае, если исходить из того, что все математические объекты и теории являются результатом конструктивной мыслительной деятельности математиков. Более того, конструктивисты считают, что основным методом построения математических теорий как систем доказательного знания является вовсе не дедукция или аксиоматический метод (имеющие аналитический характер), а конструктивно-генетический метод построения математических доказательств. Основу последнего составляет математическая индукция, которая явно имеет характер синтетического вывода. Математическое конструирование с их точки зрения полностью тождественно по своей структуре любому виду материального конструирования, когда из исходных, элементарных объектов по определенным, простым правилам строятся более сложные объекты, из последних еще более сложные и т.д. Математическое мышление по своей сущности полностью аналогично предметно-практической деятельности человека. Оно является не просто активной, но и творческой субстанцией, создающей новую реальность. Именно так обосновывали сущность математического конструктивизма такие видные его отечественные представители, как А.А. Марков, Г.С. Цейтин, Н.А. Шанин, И.Д. Заславский и др. С их точки зрения, математическая реальность, как и любая реальность, дана человеку только в ходе его практической деятельности с ней. Поэтому термин «существовать» в математике может иметь своим единственным объективным значением (будучи одновременно критерием математического существования) только одно — «быть построенным».

По мере развития естественных, технических и социально-гуманитарных наук и осмысления способов получения знания в этих науках стало также все более очевидным наличие в них конструктивного, деятельностного начала. Это относится к осмыслению переходов как от объективной реальности к чувственному знанию о ней, так и от чувственного знания к эмпирическому знанию, а от последнего к научным теориям. Все эти переходы имеют не логически выводной характер, а только конструктивно-деятельностный. Таким образом, появилась возможность распространения идей конструктивизма на все этапы и виды научного познания. Это и было сделано в начале 70-х годов XX в. представителями такого нового направления в философии науки как радикальный конструктивизм (П. Вацлавик, У. Матурана, Ф. Варела, П. Бергер, Н. Лукман и др.)⁶ Радикальные конструктивисты, прежде всего, подвергли разрушительной критике интерпретацию процесса научного познания как отражения действительности. Они считали и считают трактовку познания как отражения явно пассивистской концепцией, в которой очевидно недооценивается творческая природа научного познания не только на теоретическом, но и на эмпирическом

уровне познания. Вместе с тем радикальные конструктивисты не приемлют ни в каком виде и априористский рационализм, считая его таким же порождением фундаменталистской научной идеологии, как и теорию отражения. С точки зрения конструктивистов, оба отмеченных варианта фундаменталистской эпистемологии одинаково далеки от реальной науки. Свой эвристический потенциал конструктивистская эпистемология хорошо продемонстрировала не только в области математики, но также и в социальных и инженерно-технических науках. В частности, существенные результаты здесь были получены в методологической школе Г.П. Щедровицкого при рассмотрении науки как одного из видов проективной деятельности⁷. Однако у конструктивистской философии науки при всех ее преимуществах имеются, на наш взгляд, следующие существенные недостатки: 1) явное нарушение баланса конструктивного и объективно-детерминированного начал в процессе научного познания в пользу первого; 2) абстрагирование от диалектики продуктивной и репродуктивной деятельности в научном познании; 3) недостаточное внимание к различию степеней конструктивности научного познания на различных его уровнях и для различных областей наук, а также в эволюционные и революционные периоды развития науки. Эти недостатки не позволяют рассматривать конструктивистскую эпистемологию как имеющую универсальный характер по отношению к реальной науке и научному познанию.

2. Гуманитарная парадигма постнеклассической эпистемологии

• **Герменевтика.** Одним из главных вариантов гуманитарной парадигмы в современной эпистемологии является **герменевтика**. Когда-то (XIX в. — первая половина XX в.) она развивалась только как философия и методология гуманитарного познания, не затрагивая естествознание и математику. Долгое время она мирно сосуществовала с позитивизмом как своеобразное дополнение к нему, поскольку для позитивистов предметом и эмпирическим материалом при построении философии науки служило в основном естествознание, преимущественно физика. Однако к концу XX в., когда позитивизм обнаружил свою несостоятельность как философия естествознания и математики, сторонники герменевтики попытались рассматривать ее не только в качестве методологии гуманитарных и социальных наук, но и как имеющую универсальное значение для всех наук, в том числе естественных и математических.

Герменевтика возникла еще в античной философии и филологии как искусство истолкования изречений жрецов, оракулов и мудрецов. В средние века ее главной задачей стало истинное истолкование религиозных текстов, особенно завещанных Богом. В философии Нового времени и в XVIII — XIX вв. герменевтика уже разрабатывалась как общая теория понимания любых текстов, а также взаимопонимания людей в процессе общения (Х. Вольф, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей и др.). В современной

философии науки она разрабатывается как теория понимания, интерпретации и поиска смысла любых научных понятий, суждений, концепций как теоретического, так и эмпирического характера (Х.Г. Гадамер, П. Рикер, П. Сцонди, Е.Д. Хирш, Э. Ротхакер, К. Апель и др.)⁸. Главными категориями герменевтики являются: текст, понимание, смысл, интерпретация, герменевтический круг, когнитивная коммуникация и др. Претендуя на универсальность разрабатываемой ими концепции эпистемологии, на ее применимость к процессу познания во всех науках, а не только в гуманитарных, представители герменевтики выступили, прежде всего, против неокантианского разделения всех наук на науки о природе и науки о духе как якобы принципиально различающиеся между собой по методам и целям. Как известно, согласно неокантианцам, тогда как главной целью наук о природе является объяснение явлений и процессов природы с помощью объективных законов, в гуманитарных науках главная цель познания другая – обеспечение понимания социальных и гуманитарных фактов, событий, процессов. Оно достигается путем приписывания социальным и гуманитарным событиям определенного смысла и ценности с позиций познающего субъекта.

Современные же герменевтики справедливо подчеркивают, что как объяснение, так и понимание познаваемых явлений имеют место во всех науках. И с этим, конечно, следует согласиться. Дело, однако, в том (и об этом часто забывают), что **степень** использования методов объяснения и понимания в естествознании и социально-гуманитарных науках является существенно разной. Если в естественных науках приписывание познаваемым объектам их социального и гуманитарного смысла и значения занимает явно подчиненное место по отношению к их объяснению на основе безличного и всеобщего объективного закона, то в гуманитарных науках все обстоит с точностью «до наоборот». Объяснение изучаемых там процессов на основе некоего объективного закона является часто либо бессмысленным, либо контрпродуктивным по отношению к целям этих наук, главной из которых является познание человеком самого себя и результатов своей собственной деятельности, основанной в значительной степени на свободе и выборе людей. Герменевтическая эпистемология не имеет универсального характера по отношению ко всем наукам, ибо реальные количественные различия в средствах, объектах и методах естественных и социальных наук настолько велики, что представляется более эффективным и адаптивным говорить скорее об их качественном различии между собой, нежели о чисто степенном различии в пределах науки вообще. По крайней мере, с точки зрения здравого смысла достаточно очевидно, что процесс познания в социально-гуманитарных науках испытывает значительно более существенное и непосредственное влияние тех ценностно-смысловых взглядов, которые разделяет субъект научного познания в этих науках, нежели это имеет место в естествознании или в математических науках.

• **Постструктурализм.** Другим вариантом гуманитарной парадигмы постнеклассической эпистемологии является постструктурализм, который стал теоретической основой такого мощного направления общей философской рефлексии современной культуры, как постмодернизм. Сам по себе постструктурализм возник в 70-х годах XX в. как одно из течений лингвистической философии, связанное с переосмыслением и радикальной критикой основных идей и понятий структуралистской парадигмы в языкознании. Лидерами постструктурализма стали Ж. Деррида, Ж. Лиотар, Ж. Лакан, Ю. Кристева и др.⁹ Они подвергли систематической критике все основные концепты структурализма: текст, объективную структуру текста, автора текста, стабильность знака, понимание текста, объективную истину и объективный смысл и др. Так, если с точки зрения структурализма истина и смысл находятся внутри текста, являясь его собственными, имманентными свойствами, то с позиций постструктурализма истина и смысл любого текста находятся вне текста и принадлежат автору или интерпретатору (читателю текста). Истина и смысл текста порождаются только в акте взаимодействия читателя с текстом, как и вообще взаимодействия субъекта с любым познаваемым им объектом, в качестве которого в данном случае выступает текст.

Истина и смысл всегда порождаются в ходе взаимодействия одного субъекта (читателя) с другим (автором). Вне взаимодействия субъектов истина и смысл не существуют. Естественно поэтому, что с этих позиций любая истина всегда не только относительна, но и субъективно-личностна. Идея же чисто объективной, а тем более абсолютной истины, является, по мнению постструктуралистов, ни чем иным как идеологическим порождением тоталитарного сознания, важнейшим элементом технологии власти и рычагом ее осуществления в традиционном классовом обществе.

Претендуя на наиболее адекватную форму осмысления всей современной культуры, постструктурализм и постмодернизм выступили решительными критиками тех ценностей, которые сформировались в западноевропейской культуре в Новое время («модернистская культура»). Это произошло в период формирования классического капитализма и индустриальной европейской цивилизации. Очевидно, что модернистская культура могла сформироваться и выдержать конкуренцию со стороны прежней средневековой христианской культуры Европы только путем создания новой, более привлекательной идеологии и философии, чем те, которые были прежде. Как известно, окончательно формирование этой новой идеологии произошло в эпоху Просвещения. На ее знамени были выведены следующие ценности: Разум, Истина, Прогресс, Свобода, Человек. С одной стороны, это были антиподы ценностей религиозной средневековой культуры: Бог, Вера, Традиция, Вечность, Мировая Гармония. Но, с другой стороны, как и всякие новые ценности, они могли утвердиться в культуре и обществе только путем их абсолютизации,

только на основе безусловной веры в их реализуемость, только путем бескомпромиссного внедрения их в массовое сознание. В сфере науки ценности модернистской культуры стали основой идеологии классической науки, породив соответствующую ей философию. Основными идеями модернистской (классической) философии науки были следующие.

В области онтологии: предмет науки — объективная реальность, которая функционирует по присущим ей объективным законам; эти законы имеют однозначный, необходимый характер; пространство и время также объективны и представляют собой самостоятельные субстанции, независимые как друг от друга, так и от свойств объектов; в природе все однозначно детерминировано и причинно обусловлено; там нет места ни вмешательству Бога в естественный ход событий, ни случайности, ни целей.

В области гносеологии основными идеями классической философии науки были: субъект науки — носитель трансцендентального сознания (трансцендентальный субъект), способный постигнуть о предмете познания всеобщую, необходимую и объективную истину (абсолютную истину); существует универсальный научный метод получения таких истин; возможна только одна истинная теория об одном и том же объекте; основа науки — объективные факты, которые получаются в ходе наблюдений и эксперимента над познаваемыми объектами; чувственное познание гарантирует абсолютно адекватное восприятие свойств и отношений познаваемых объектов.

Далее. Научные законы и теории суть обобщения объективных фактов; существует логика открытия и доказательства научных законов и теорий. Последние однозначно детерминированы лежащими в их основе фактами. Научное познание — абсолютно объективно и ценностно нейтрально; процесс научного познания направляется исключительно идеей достижения Истины, оно полностью бескорыстно. Научная теория — это логически доказательная система знания. Факты способны доказать или как минимум подтвердить истинность научной теории. Аксиология модернистской (классической) философии науки: наука — абсолютное благо для общества и человека; все социальные проблемы могут и должны решаться исключительно на основе научного знания (сциентизм); наука и научное знание развивается только прогрессивно, путем накопления новых истинных фактов и построения новых теорий, которые обобщают старые (прогрессизм).

Неуниверсальность и даже ложность почти всех отмеченных выше философских оснований классической науки станет ясной лишь к концу XIX — началу XX в., когда в классической («модернистской») науке неожиданно разразился кризис. Этот кризис был тотальным и затронул все области научного знания: естествознание (и прежде всего его основу — классическую физику и биологию); математику (и прежде всего геометрию, теорию множеств и математическую логику),

социально-гуманитарные науки (и прежде всего экономику, право, политические концепции, геополитику, философию). Глобальная революция в науке ознаменовалась не только созданием новых парадигмальных теорий во всех областях науки (теория относительности и квантовая механика в физике; генетика и молекулярная биология в науках о живом; конструктивная и вычислительная математика и т.д.), но и осознанием несостоятельности всей прежней идеологии науки, ее ценностной матрицы, и соответственно необходимости создания новой философии и эпистемологии науки, которые были бы более адекватными реальной науке и ее истории.

Постмодернисты (Ф. Лиотар, Ю. Кристева и др.) сделали из этого анализа последовательные и решительные выводы для понимания бытия всей современной культуры, которая «насквозь» во всех своих проявлениях и ответвлениях пронизана различного рода текстами и дискурсами, опутана сверхсложной и глобальной сетью когнитивных, языковых в своей основе, коммуникаций.

Именно к современной культуре в наибольшей степени применима характеристика постмодернистов: культура – это текст, ибо часто уже почти невозможно различить текст как репрезентацию явлений культуры от самой культуры. Среди фундаментальных и вместе с тем универсальных характеристик любого дискурса, независимо от его содержания (обыденное познание, философия, поэзия, художественная литература, наука), постструктуралисты открыли его повествовательность и сюжетность (любой текст, в том числе и научные статьи и монографии, есть всегда рассказ, *story*). Это означает, во-первых, телеологический способ организации любого текста, а отнюдь не объективно-описательный. Во-вторых, это означает, что любой научный текст самой своей структурой всегда предполагает коммуникативность, обращение к другому субъекту как необходимому соучастнику познавательного акта. Таким образом, с точки зрения постмодернистов, основное направление познавательного акта проходит не по оси «объект – субъект», а по линии «субъект 1 – субъект 2 – ...»

Любой текст, а значит и научный, всегда опирается также на большой массив бессознательно принятого автором текста неявного знания (интуитивной информации), являясь частью более обширного целого – некоторого контекста, границы которого уже нельзя определить полностью и однозначно. В этом отношении, утверждают постмодернистские философы науки (В. Вельш, Ф. Джеймисон и др.), наука качественно ничем не отличается от других видов дискурса: мифологии, художественной литературы, философии и др. Везде – принципиальная многозначность, недоговоренность (и невыговоренность субъектов) и соответственно открытость для новой интерпретации. Различие лишь в степени этих характеристик, т.е. в количестве, но отнюдь не в их присутствии или отсутствии.

Как любят повторять постмодернисты, «никто до конца не знает, ни что он точно сказал (или написал), ни о чем именно». С их точки зрения, в полной мере это относится и к научным текстам, хотя, конечно, наука в отличие от других видов дискурса прилагает сознательные и огромные усилия, чтобы максимально минимизировать эту присущую любому языку неопределенность. Исходя из этого, само представление о научном знании как о чем-то объективно-истинном, доказательном и однозначном постмодернистские философы считают одним из самых больших социокультурных мифов. Они полагают, что весь ход истории науки (с XVII по XX вв.), основанной на этом мифе, убедительно продемонстрировал его явное несоответствие реальной науке. Природа языка, основанная на нем человеческая культура и все ее проявления (в том числе и наука) таковы, что человек вынужден жить в созданном им плюралистическом и всегда не до конца определенном мире. Но это же является и необходимым условием человеческого творчества как естественной для него и одновременно специфической формы его бытия, отличающей человека от всех других, живых и неживых существ. Человек – существо не просто творческое, но и творящее свое бытие.

Условием и одновременно следствием творческой деятельности людей является постоянное поддержание в обществе необходимого уровня разнообразия и плюрализма. Одновременно это требует от людей в качестве компенсаторного механизма их адекватного поведения необходимость соблюдения таких норм и ценностей, как толерантность, гуманизм, консенсуальность, ответственность, в том числе и персональная.

Однако насколько оправдано распространение эпистемологических и культурологических идей постструктурализма и постмодернизма на область научного знания? Насколько правомерны их претензии на создание новой, постмодернистской философии науки как наиболее полно отвечающей современному состоянию науки? С нашей точки зрения, однозначного положительного или отрицательного ответа на эти вопросы пока дать нельзя. С одной стороны, в своем антифундаментализме по отношению к любому дискурсу, в том числе и научному, они, безусловно, правы. История науки и ее современное состояние убедительно свидетельствует в пользу отсутствия абсолютной определенности, однозначности и истинности любого дискурса, любого текста, в том числе и научного. Однако отсюда вовсе не следует, что различные виды и единицы знания обладают одинаковой степенью неопределенности и неоднозначности. Это относится как к различию научного знания от различных видов вненаучного знания, так и к различию степеней неопределенности и неоднозначности знания внутри самой науки, в частности у различных видов наук. Во-первых, очевидно, что научный дискурс и научные тексты обладают гораздо большей определенностью, однозначностью и доказательностью, чем, скажем, обыденное знание или философские концепции, а тем более – мифологический или поэтический дискурсы.

Во-вторых, столь же очевидно, что среди научных текстов также имеется различие, что, например, наибольшую степень определенности и однозначности и, как следствие, общезначимости среди всех научных текстов имеют математические тексты, затем следуют естественнонаучные и технические тексты и, наконец, социально-гуманитарные.

Более того. Даже в пределах любой из областей научного знания строгость и однозначность ее высказываний является весьма различной. Так, аналитические истины в этом отношении явно превосходят синтетические, а теоретическое знание является более строгим и однозначным чем эмпирическое¹⁰. Вот почему попытки постмодернистов применить свои концепции науки к анализу, например, развитого естествознания (особенно современной теоретической физики), а тем более – математики, выглядят явно неубедительно. Дело в том, что степень неопределенности и субъективности дискурса в математике и теоретическом естествознании настолько мала (по сравнению с текстами из других наук, а тем более – внеучными текстами), что с практической точки зрения ею можно смело пренебречь.

Конечно, совсем по-другому дело обстоит в гуманитарных науках, а тем более в гуманитарном познании в целом. Диалогическая природа гуманитарного знания, его ценностная и социальная «нагруженность» настолько велики, что всякие попытки абстрагироваться от них или приблизить гуманитарные тексты к стандартам естественнонаучного знания неминуемо приводят к полному искажению природы и функций гуманитарного знания и фактически к уничтожению их реального смысла. Полисеманτικότητα, многослойность и большая степень открытости гуманитарного знания к его различным интерпретациям и творческому прочтению – это отнюдь не его недостаток, а скорее особенность и даже достоинство. Это связано с тем, что любой гуманитарный текст всегда обращен к Другому как приглашение к мировоззренческому диалогу автора текста с читателем, к интеракции и обмену ценностным опытом. В этом отношении постструктуралистская и постмодернистская эпистемология может быть оценена как весьма развитая, зрелая и современная форма философско-методологической рефлексии гуманитарного познания. Вместе с тем претензии постмодернизма на универсальность, на эффективное применение ко всем наукам и, в частности, к математике, естественным и техническим наукам, вряд ли можно считать достаточно обоснованными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. – М., 2010.

² См.: Малкей М. Наука и социология знания. – М., 1983. Современная западная социология науки: Критический анализ. – М., 1988.

³ См.: Степин В.С. Философская антропология и история науки. – М., 1992; Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке»: Предмет социологии нау-

ки. – М., 2006; *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М., 1980; *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. – М., 1997.

⁴ См.: *Философия и наука* / под ред. В.И. Купцова. – М., 1973.

⁵ См.: *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / под ред. И.Т. Касавина. – М., 2009; *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия. – М., 2008. *Лебедев С.А.* История философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. № 1.

⁶ См.: *Матурана У.Р., Варела Ф.Х.* Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. – М., 2001; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

⁷ См.: *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М., 1995.

⁸ См.: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. – М., 1988; *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.

⁹ См.: *Деррида Ж.* О грамматологии. – М., 2000; *Деррида Ж.* Письмо и различие. – М., 2000; *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – СПб., 1998; *Ильин И.П.* Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. – М., 1996.

¹⁰ См.: *Лебедев С.А.* Философия науки: общие проблемы. – М., 2012; *Лебедев С.А.* Структура научного знания // *Философские науки.* 2005. № 10, 11; *Лебедев С.А.* Структура науки // *Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия».* 2010. № 3. *Лебедев С.А.* Уровни научного знания // *Вопросы философии.* 2010. № 1. *Лебедев С.А.* Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // *Новое в психолого-педагогических исследованиях.* 2010. № 2.

Аннотация

В статье анализируются основные идеи постнеклассической эпистемологии. Дается обобщенная характеристика двух основных парадигм постнеклассической эпистемологии: социокультурный анализ динамики научного знания и гуманитарная парадигма эпистемологии, и их различных вариантов.

Ключевые слова: эпистемология, научное познание, постнеклассическая эпистемология, культурно-исторический анализ науки, гуманитарная парадигма эпистемологии, когнитивная социология науки, кейс-стадис, радикальный конструктивизм, герменевтика, постструктурализм.

Summary

The article examines main ideas of postnonclassical epistemology. It is given a general characteristic of the two main postnonclassical epistemological paradigms: a) social and cultural analysis of the dynamics of scientific knowledge and b) humanitarian paradigm of epistemology, and their variants.

Keywords: epistemology, scientific investigation, postnonclassic epistemology, cultural and historical analysis of science, humanitarian paradigm of epistemology, cognitive sociology of science, case-studies, radical constructivism, hermeneutics, poststructuralism.